

Другом Кан Чжэ оказался тибетец, ростом почти с него, но гораздо более смуглый и не менее статный.

— Пливет, класивый длуг, доблё пожалофать в наш дом, — поздоровался он на ломаном китайском.

Тан Юйхуэй смущённо кивнул, а затем нервно улыбнулся девушке, которая стояла рядом с парнем. Она была поразительно красива. С огромными глазами, высокая и светлокожая, закутанная в красный тибетский халат, она улыбалась Тан Юйхуэю сияющим взглядом.

— Это Цзяян, мой друг детства, — коротко представил парня Кан Чжэ. Увидев, что Тан Юйхуэй во все глаза глядит на спутницу Цзяяна, Кан Чжэ отвесил ему невесомый подзатыльник:

— Не пялься так на чужую жену, смотри, как бы не влетело.

— Он уже женат? — вытаращил глаза Тан Юйхуэй.

— А что, она тебе приглянулась? — хмыкнул Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй потёр ушибленный затылок и тихо проговорил:

— Нет... Но тебе ведь должно быть примерно столько же? Раз он твой друг детства...

— А что тут такого? — усмехнулся Кан Чжэ. — Я тоже женат.

Тан Юйхуэй на миг застыл, потом медленно выдавил: «А-а-а» и почувствовал, как внутри груди зарождается странное ощущение. Цзяян громко рассмеялся. Хотя его китайский был неуклюжим, жизнь рядом с монастырём Тагун научила его общаться с туристами. Чтобы Тан Юйхуэй его понял, Цзяян, запинаясь, говорил на ломаном китайском, но на удивление чётко:

— Он... не... не, Кан Чжэ фсем дефушкам степи... сельдце... разбифает. Фсе хотят быть... его... его... любофницей. Но... Кан Чжэ... не хочет.

Тан Юйхуэй не сразу понял, но, вникнув, снова протянул: «А-а», моргнул и без выражения посмотрел на Кан Чжэ ясными глазами. Кан Чжэ, у которого этот взгляд вызвал лёгкую головную боль, небрежно пояснил:

— У тибетцев мужчины моего возраста обычно давно женаты.

— А-а... — заморгал ресницами Тан Юйхуэй. — Тогда почему у тебя нет возлюбленной?

Кан Чжэ чуть приподнял веки и лениво усмехнулся:

— Тебе какое дело? Что за чрезмерное любопытство?

«И вправду, многого он не расскажет», — с сожалением подумал Тан Юйхуэй.

***

Он считал, что Кан Чжэ не похож ни на тибетца, ни на ханьца. Он был неуловим, словно лёгкое, плывущее сновидение. Но увидев, как Кан Чжэ скачет на лошади — или, как говорил сам Кан Чжэ, «бегает на лошади», — Тан Юйхуэй наконец по-настоящему поверил, что Кан Чжэ действительно, по праву своего рождения, принадлежит этому высокогорью на бескрайних просторах юго-западных земель, что он — коренной тибетец.

Кан Чжэ вывел из конюшни Цзяяна рослого гнедого жеребца с длинным хвостом, который тот гордо вскидывал при ходьбе. Оттолкнувшись длинными ногами, Кан Чжэ одним движением ловко вскочил в седло. Он медленно поднялся вверх по склону, развернул коня и галопом пустил его вниз. Его скорость была невероятна. Тан Юйхуэй заворожённо наблюдал, как на фоне застывшего неба фигура Кан Чжэ, приближаясь, становится всё более чёткой.

Степь стала декорацией. Свистел пронзительный ветер. Кан Чжэ был подобен мифическому богу, ступающему по небу и солнцу. Всадник гордо, как влитой восседал на скакуне, который, стремительно выстилал себе путь ударами копыт, вздымая пыль и траву. Тан Юйхуэй ошеломлённо смотрел, словно наблюдая бурлящий поток многотысячного войска, мчащийся прямо на него.

***

Тан Юйхуэй раньше никогда не ездил верхом. Когда-то из-за работы отца ему пришлось несколько месяцев прожить в Ганьсу, на космодроме. Родители, занятые секретными проектами, оставили его у знакомых — в семье, где была девочка на два года старше. Худая, смуглая, с большими глазами, она хорошо к нему относилась: водила в Цзяюйгуань, Дуньхуан, катала на верблюдах по пескам Миншашань.

В то время Тан Юйхуэй учился в средней школе, и позже все сочинения по китайскому языку в средних классах посвящал этой девочке и их приключениям. Но в те годы щедушный Тан Юйхуэй находил езду на верблюдах недостаточно героической, поэтому в своих сочинениях он всегда скакал на рыжих лошадках.

«С непривычной высоты постепенно появлялись багровое солнце и марево горизонта. Дребезжащий колокольчик пустым эхом разносился над морем песка, золотистые лучи очерчивали силуэты дюн. Я ехал медленно, и словно направлялся в дальние дали».

Тан Юйхуэй заучил этот отрывок назубок, но каждый раз, вспоминая, как по просьбе учителя читал его перед классом, до сих пор смущался так, что пальцы ног судорожно сжимались в ботинках.

Гуманитарные предметы давались ему плохо, и это был единственный раз, когда учитель китайского его похвалил. Прошли годы, многое забылось, но Тан Юйхуэй всё ещё помнил тот день: он читал, покрывшись потом от смущения, словно его заставили нагим идти под палящим солнцем пустыни. Воспоминания и реальность странным образом переплелись, словно кто-то переместил фокус объектива с яви на сон...

Кан Чжэ вёл к нему гнедую лошадку. Тан Юйхуэй показалось, будто он снова ощутил то жаркое, суматошное волнение, что охватывало его во время чтения текста вслух. Сердце забилось чаще, оно словно созрело раньше времени, кровь ударила в виски неровными толчками. Хотя в тот момент он и чувствовал себя совершенно сбитым с толку, но если бы будущее могло подать знак, ему следовало бы уже с этой секунды предвидеть страдания. Но здесь не было колокольчиков верблюдов, дымки на горизонте и багрового солнца — только бескрайняя степь под чистым небом, и Кан Чжэ в клубах пара, который будто стремился слиться с облаками.

— Попробуешь? — Кан Чжэ приподнял бровь.

— Я не умею, — тихо ответил Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ ласково потрепал лошадь по шее — после скачки он был в отличном настроении и теперь излучал бесконечное терпение:

— Хочешь прокатиться?

Тан Юйхуэй помедлил, потом кивнул. Кан Чжэ вынул сигарету изо рта, выпустил колечко дыма, небрежно бросил окурочок на землю и затушил его ногой. Положив в рот мятный леденец, он сунул такой же Тан Юйхуэй, затем слегка ущипнул его за щеки:

— Хочешь — садись. Она смиренная. Я подстрахую, не упадёшь.

Желание в конце концов пересилило страх. Тан Юйхуэй чувствовал, как его щёки то пылают, то леденеют, а в голове мелькнула странная мысль. «Если многие наркотики делают из растений, — подумал он, — вызывает ли привыкание аромат трав и деревьев?» Сгорая от нетерпения, он вставил ногу в стремя и в тот самый миг, как очутился в седле, был пленён благородным созданием, на спине которого оказался. «Как прекрасно!» — подумал он. Тан Юйхуэй наклонился и, держа руки на весу, мягко обнял лошадь за шею.

— Не трись об неё, — предупредил Кан Чжэ. — Она тебя не знает и может сбросить.

Тан Юйхуэй нехотя выпрямился и провёл рукой по воздуху вдоль шеи лошади, желая, но не осмеливаясь погладить гриву. Кан Чжэ нашёл это забавным и лениво усмехнулся:

— Так нравится, да?

— Да, — Тан Юйхуэй впервые ответил без тени сомнения. Его большие, влажные и выразительные глаза снова заблестели, и он тихо пробормотал: — Такая милая...

Кан Чжэ мельком глянул на Тан Юйхуэя. Во рту у того разливался мятный холодок, и он непроизвольно пошевелил леденцом за щекой. Затем нежно потянул за поводья, и гнедая лошадь, словно и вправду его знала, послушно тронулась с места. Сначала Тан Юйхуэй немного боялся, но, проехав круг, начал поторапливать Кан Чжэ, чтобы тот шёл быстрее. Кан Чжэ молча усмехнулся и легонько шлёпнул лошадь по крупу. Та пустилась вскачь.

— А-а-а! — Тан Юйхуэй вскрикнул от неожиданности, но Кан Чжэ уже остался в нескольких шагах позади. Тан Юйхуэй оглянулся: Кан Чжэ снова закуривал и равнодушно наблюдал за происходящим.

— Кан Чжэ?.. — позвал Тан Юйхуэй. Лошадь постепенно набирала скорость. Тан Юйхуэй не осмеливался часто оборачиваться, а встречный ветер немного пугал его. Тан Юйхуэя трясло так сильно, что ему стало по-настоящему страшно. Он отчаянно и тщетно выкрикивал имя Кан Чжэ.

— Кан Чжэ-э-э-э!

— Останови её! Мне правда страшно!

— Кан Чжэ...

— Кан Чжэ, Кан Чжэ, Кан Чжэ!

Тан Юйхуэй чуть не расплакался. В воображении он уже падал с лошади, разбивался вдребезги, чувствовал, как его топчут копыта, и он харкает кровью.

— А-а-а... Чжэ-э-э...

Внезапно небо и земля откликнулись ему. Степной ветер донёс всё приближающиеся, хриплые крики Кан Чжэ:

— Не бойся, скачи!

— Тан... Юй... Хуэй!

— Скачи вперёд!

Тан Юйхуэй оглянулся: Кан Чжэ мчался за ним на другом коне. Между лошадьми было несколько метров, черты лица Кан Чжэ расплывались, но Тан Юйхуэй точно знал — тот улыбался:

— Не... бой... ся...

Слово «бойся» было произнесено очень мягко, ветер нежно донёс его до слуха Тан Юйхуэя, словно бабочка коснулась уха, шепнула и тотчас распалась на бесчисленные сияющие лепестки над степью. Хаотичная пульсация страха в крови уступила место оглушающему, нисходящему гулу. Течение ветра обрело направление, стало осязаемым и ясным. Всё вокруг трепетало и дрожало, словно от ударов шального барабана. Облака над их головами превратились в безмолвную реку, увлекая лошадей вперёд. Под аккомпанемент степного ветра и невидимой песни Тан Юйхуэй свободно нёсся к морю облаков. Он проскакал целых пять кругов, прежде чем наконец остановился.

Кан Чжэ давно уже спешился и ждал его там, откуда они начали.

Тан Юйхуэй ошеломлённый, вцепился в поводья, хотя лошадь уже шла шагом. Его щёки пылали, лицо было мокрым от слёз облегчения и восторга. Он впервые увидел, как у Кан Чжэ в уголках глаз собрались морщинки настоящей улыбки — словно тёмный, грубый минерал наконец-то явил миру сердцевину, усыпанную искрами. Отныне не тусклые сероватые гвозди покрывали ночное небо, но звёздный свет, что мог озарить целую галактику. Сердце Тан Юйхуэя зашлось в лихорадочном ритме, словно внутри него били в огромный барабан. Сквозь этот гул ему чудилось, будто издалека кто-то обращается к нему, но он не мог вымолвить ни слова.

Кан Чжэ неожиданно раскрыл объятия, снял его с лошади и тыльной стороной ладони вытер мокрые дорожки слёз. Он улыбался всё так же красиво и легко:

— Ну что же ты опять расплакался?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130166>